

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОДДАННОГО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ВЕРОИСПОВЕДНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению зависимости правового статуса подданных Российской империи от вероисповедания. Анализируются законодательство XIX — начала XX века по делам веры, а также архивные материалы, отражающие взгляды представителей различных вероисповеданий на существовавшие ограничения в религиозных вопросах.

К началу XX века вопрос о свободе совести в российском законодательстве имел уже свою историю. Еще в петровское время закон провозгласил свободу вероисповеданий в России для иностранцев, старообрядцев (правда, при условии записи в двойной подушный оклад), было разрешено заключение браков между пленными шведами и православными русскими девушками. Однако именно в это время православная церковь окончательно была включена в состав государственной машины и стала неотъемлемой ее частью. И хотя каждый император и императрица после Петра I подтверждали свою приверженность идее свободы вероисповеданий, любое посягательство на положение православия жестоко наказывалось. Например, в 1738 году в Петербурге были сожжены иудей Лейба Борухов и капитан-лейтенант Возницын за то, что первый обратил в свою веру второго. Именно в XVIII веке власти наравне с миссионерской деятельностью стали использовать регламентирование местных религий.

Во второй половине XVIII — начале XIX века ситуация несколько изменилась. При Петре III и Екатерине II в Россию были приглашены бежавшие от преследований старообрядцы, им возвращались гражданские права. На некоторое время было запрещено употребление слова

«раскольники». Екатерина II, а затем Павел I дали широкие привилегии иезуитам, которые были сохранены при Александре I. Расцветали сектантство, мистицизм.

Полностью этот курс изменился в царствование Николая I, когда официальную идеологию стала отражать формула «Православие — Самодержавие — Народность». Начался новый нажим на иноверцев в широком смысле слова и даже массовые гонения. Именно этот курс был закреплен в Своде законов Российской империи, который с небольшими изменениями действовал до 1917 года.

Согласно данным переписи населения 1897 года, по вероисповедному принципу российское население распределялось следующим образом: православных было 87 123 604 (69,3%), староверов — 2 204 596 (1,75%), приверженцев армяно-григорианской церкви — 1 179 241 (0,9%), католиков — 11 506 834 (9,15%), лютеран — 3 572 653 (2,83%), прочих христиан — 198 238 (0,2%), иудеев — 5 215 805 (4,2%), мусульман — 13 906 972 (11,1%), буддистов — 433 863 (0,34%), остальных нехристиан — 298 215 (0,23%)¹. То есть даже по официальным данным приблизительно 30% населения составляли неправославные.

Однако сами современники мало верили этим цифрам. Так, известный исследо-

ватель старообрядчества А. Пругавин в буквальном смысле вышучивал официальную статистику, указывая, что она забывает один очень существенный факт русской жизни — невозможность открыть безопасно для себя свое истинное исповедание².

И действительно, примеров тому было множество. Так, в 60-е годы XIX века по официальным данным в Ярославской губернии было 7454 раскольника, однако статистическая экспедиция, которая сумела завоевать доверие населения, насчитала 278417 человек, принадлежащих к расколу, то есть в 37 раз больше³.

Каково было положение различных конфессий в России?

В Своде законов Российской империи существовала строгая градация вероисповеданий, которые подразделялись на три основные группы: первенствующая господствующая религия, терпимые, гонимые⁴.

Первенствующей и господствующей в Российской империи признавалась «вера христианская православного кафолического восточного исповедания»⁵. А отсюда вытекали и основные положения. К православию обязательно должны были принадлежать император, императрица и жена наследника престола. При всех важнейших государственных событиях к участию в торжествах привлекалось православное духовенство. Исчисление дней, месяцев, праздников, присутственных и неприсутственных дней определялось календарем, принятым православной церковью.

Лишь православным давалось право пропаганды своего учения, тогда как духовным и светским лицам других христианских исповеданий и иноверцам было строжайше запрещено прикасаться к убеждениям совести не принадлежащих к их религии⁶. Иначе наступала уголовная ответственность. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года за соращение из православия в иное христианское веро-

учение виновный приговаривался к лишению всех особенных прав и преимуществ и отдавался в исправительные арестантские отделения на время от 1 до 1,5 лет; если же доказывалось, что для такого «совращения» были употреблены принуждение и насилие, виновный подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на поселение (ст. 187).

Достаточно серьезные наказания предусматривало и Уголовное уложение 1903 года, правда, большей частью не вступившее в силу до революции 1905 года. За произнесение или чтение публично проповеди, речи или сочинения с целью «совращения», побуждающих православных к переходу в иное вероисповедание, предусматривалось наказание в виде заключения в крепость на срок не больше одного года или арест (ст. 90). Если это деяние было совершено посредством злоупотребления властью, принуждением, обольщением, соблазном выгод или обманом, виновный заключался в крепость на срок не более трех лет. Если же «совращение» осуществлялось через насилие над личностью или угрозы, следовало наказание в виде ссылки на поселение (ст. 83).

Среди других преимуществ православной церкви можно выделить еще одно: только для нее не подлежала никаким ограничениям публичность осуществления религии, религиозных церемоний, процессий.

Такое положение православия вызывало самые различные мнения. Многие считали, что это очень важные преимущества перед остальными церквями, которые неизменно должны быть сохранены. Другие видели в этом угнетение церкви со стороны государства⁷.

Ко второй группе — «терпимых» — относилось четыре категории вероисповеданий. Во-первых, инославные, то есть христианские исповедания, признанные в России: римско-католическое и армяно-католическое, армяно-григорианское,

евангелическо-лютеранское и евангелическо-реформатское.

Во-вторых, иноверные исповедания или нехристианские: мусульманство, иудаизм, буддизм (ламаизм) и языческие верования. Хотя часто и в законодательстве, и в литературе все вероисповедания, кроме православного, назывались «иноверными», термин «иноверец» был «размыт»⁸.

В-третьих, сюда относились некоторые секты, признанные законом: гернгутеры⁹, меннониты¹⁰, баптисты, шотландские колонисты в Каррасе (Терская область), братские общества аугсбургского исповедания.

В-четвертых, на практике было допущено существование еще некоторых сект, но без признания их особым вероисповеданием и с разрешением им лишь производить богомоления по их обрядам¹¹.

В отношении ко всем этим четырем категориям со стороны государства были некоторые общие черты.

В связи с тем, что отпадение от православия не признавалось, все они могли рассчитывать только на естественный прирост приверженцев своей веры, тогда как переход в православие сопровождался всевозможными поощрениями и, прежде всего, освобождением от уплаты всех или некоторых податей.

Общим было и то, что государство, допуская деловые, частные связи приверженцев официальной церкви с представителями других вероисповеданий и учений, полностью отрицало возможность религиозного общения: в обрядах, молитвах и т. д. Поэтому в случае смерти «иноверца» в широком смысле слова, когда не было другого духовного лица, кроме православного, священник мог только проводить тело усопшего от дома до могилы с пением «Святой Боже», с каковым и опустить его в могилу. Хотя часто многое зависело от мнения высших церковных иерархов и конкретного иноверного исповедания. Например, еще в середине XIX века известный московский митро-

полит Филарет разрешил делать исключения для лютеран, которые при жизни почтительно относились к православной церкви. Для них Филарет разрешал домашнюю молитву и панихиду¹².

Кроме того, во всех так называемых «спорных» вопросах, затрагивающих разные вероисповедания, государство вставало на сторону православия. Например, если приходилось крестить младенца, родители которого были неизвестны, закон предписывал отдавать детей православному духовенству. Исключение делалось только для Прибалтики, где можно было крестить ребенка по лютеранским обрядам.

Общим являлось и правило, согласно которому все «преступления против православной веры» рассматривало специальное жюри из лиц православного исповедания. По мнению законодателей, «правильное суждение о свойстве преступления против веры и степени виновности в оном подсудимого, как оскорбителя святыни, во многом зависит от религиозных понятий и убеждений, какими проникнут судья: то, что по понятию, например, протестанта не заключает в себе оскорбления святыни, в сущности может быть весьма важным преступлением против веры православной»¹³. С 1890 года меры были еще более ужесточены: кроме жюри, судьи и чины прокурорского надзора должны были быть только из православных.

Государство определяло и контролировало практически все стороны жизни «терпимых» церквей. В Своде законов Российской империи определялись органы управления различных конфессий, обязанности и меры наказания духовенства. Все высшие должностные лица назначались императором. Приобретение любого недвижимого имущества могло происходить только с разрешения императора, иногда — Министерства внутренних дел. Все духовные лица приносили

????????????? ?????????? ?????? ?
????????????? ?????????? ?????????? ?? ??????

Но в целом российское законодательство дозволяло незапрещенным неправославным исповеданиям соблюдать основные религиозные обычаи. По просьбе отдельных лиц или обществ можно было строить «иноверческие храмы, каплицы, или иные молитвенные дома», получив на это разрешение Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел¹⁴. В арестантских ротах, например, в разные дни недели устраивались выходные дни: православным — в воскресенье, мусульманам — в пятницу, иудеям — в субботу¹⁵.

Но, несмотря на многие общие принципы в отношении к «терпимым» религиям, в российском законодательстве было и много отличного.

В наиболее привилегированном положении из «терпимых» находились христианские вероисповедания. Близкой себе по духу православная церковь признавала греко-униатскую церковь. Только над ее последователями православным священникам было разрешено исполнять требы и совершать таинства.

Доверием со стороны государства пользовались протестантские вероисповедания и секты. Это объяснялось невмешательством протестантских общин в дела православной церкви. В Своде законов Российской империи был раздел «Об управлении духовных дел христиан протестантского исповедания», который включал принятые еще в 1832 году¹⁶ и просуществовавшие до революции Уставы евангелическо-лютеранской и евангелическо-аугсбургской церквей, особые постановления об управлении духовными делами евангелическо-реформаторских обществ. В них детально определялись структура этих конфессий, функции и полномочия их органов управления, права, обязанности и меры наказания духовенства, обязанности верующих, порядок отправления культа. В главе «Об учении» закон описывал исповедуемое вероучение

и запрещал членам церкви распространять мнения, «противные» ему. Высшие духовные лица, президенты консисторий (особых советов, состоящих как из служителей культа, так и мирян для руководства делами общины) назначались императором, пробсты утверждались Министерством внутренних дел, а проповедники — губернаторами¹⁷.

Только протестанты по российскому законодательству могли вступать в брак с лицами, принадлежащими к мусульманству и иудаизму. Для них был запрещен брак лишь с язычниками. Венчание таких браков разрешалось совершать только протестантскому духовенству. С мусульман и иудеев бралась подписка, что дети от таких браков будут воспитаны в протестантской или православной вере¹⁸. Никаких политических и гражданских ограничений, вытекающих из принадлежности к протестантским исповеданиям, в российском законодательстве не было.

Сами протестантские пасторы во многочисленных петициях, собранных в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий¹⁹, считали стесняющими следующие факторы:

– ст. 761, т. XI, ч. 1 Устава иностранных исповеданий, согласно которой перестройка и постройка церковей требовала разрешения министра внутренних дел, так как очень часто наблюдалось «явное нежелание» давать такие разрешения;

– чрезмерно большие приходы, в которых пасторам было невозможно работать;

– необходимость спрашивать разрешения полиции на совершение общественного богослужения под открытым небом или в здании, для богослужения не предназначенном;

– запрет собраний, посвященных делам заграничных миссий, и правило, по которому сборы в пользу заграничных миссионерских обществ дозволяются губернатором с последующим извещением его о собранной сумме;

– подчиненность протестантских церковных школ Министерству народного просвещения;

– подписки при заключении смешанных браков.

Отношение российского законодательства к католикам было гораздо более сложным. В 1905 году Комитет министров определил католическую церковь как «воинствующую»²⁰. А отсюда и следствия: с одной стороны, правительство пыталось законодательно препятствовать активности католиков в привлечении российского населения в свою веру, с другой стороны, стремилось поддержать своеобразный паритет — «уравнять» гонения на православных в Польше гонениями на католиков в России²¹ (например, по данным МВД, только за два года (в 1864 и 1865) было упразднено 29 приходских костелов, 8 филий и 25 каплиц; все эти здания были переданы в православное духовное ведомство²²), чем еще больше вызывало активность.

Православной церкви было о чем беспокоиться. Например, в Прибалтийских губерниях с 19 марта 1865 года до 8 августа 1885 года было отменено взятие предбрачных подписок при смешанных браках о воспитании детей в православии. За двадцать лет стало ясно, что в подавляющем большинстве дети в таких семьях воспитывались в католической вере²³.

Структура и деятельность католических учреждений жестко регламентировались государством. Высшим правительственным учреждением для римско-католической церкви являлась Духовная коллегия в Санкт-Петербурге, которая была создана в конце XVIII века. В составе коллегии было 10 человек: председатель — митрополит Могилевский, один епископ, один прелат и семь заседателей (по одному представителю от каждой католической епархии — Могилевской, Виленской, Тельшевской (Ковенская и Курляндская губернии), Луцко-Житомирской, Минской, Каменецкой (Подольская губерния), Тираспольской)²⁴.

Кроме общих для католиков существовали и особые ограничения:

– ст. 459 тома XI Свода законов Российской империи воспрещала прибытие в Россию иезуитов;

– ст. 59 (прим.) тома XI запрещала римско-католическому духовенству касаться в своих поучениях предметов политических и издавать сочинения по политическим вопросам, особенно касающимся государственного управления;

– ст. 98 тома XI запрещала католическому духовенству отсылать свои доходы за границу без разрешения императора;

– ст. 187 и примечания к ней тома XI определяли условия обязательного закрытия существующих в губерниях Царства Польского римско-католических монастырей: монастыри не имели права принимать новых монахов;

– ст. 97 тома XI, которая лишала католическое духовенство права использовать ст. 40 Устава о паспортах, предписывающую духовным лицам разных исповеданий для удостоверения личности получать бессрочные паспорта от соответствующих духовных властей. Во избежание возможности прозелитизма католическому духовенству паспорта выдавали губернаторы по требованию епархиальных начальников;

– Высочайшим повелением от 27 ноября 1879 года высшим католическим иерархам было запрещено посещать униатские местности;

– все католики, как духовные лица, так и светские, должны были сообщаться с римской курией по делам своего исповедания только через министра внутренних дел.

Особое место принадлежало армянской церкви, так как она была, во-первых, чисто национальной, во-вторых, католикос распространял свои полномочия на всех армян, разбросанных по земному шару. Сами армяне называли свою церковь «видимой душой отсутствующего отечества»²⁵. Часть армян, проживающих на российской территории, подчинялась

в церковном отношении Регламенту 1836 года, другая же — находящаяся на турецкой территории — подчинялась Регламенту 1860 года, известному под названием Сахманадрутьюн, который был узаконен султанским указом.

Представители армяно-григорианской церкви появились в России в 1774 году после подписания Кучук-Кайнаджирского мира. Окончательной же датой присоединения армяно-григорианской церкви считается 1828 год, когда в состав Российской империи по Туркманчайскому мирному трактату с Персией вошли Нахичеванское и Эриванское ханства, а вместе с ними и кафедра первосвященника — армянского католикоса²⁶.

В конце XIX — начале XX века правительственные круги были уверены, что армяне стремятся к политической автономии и что главными зачинщиками являются армяно-григорианские церковнослужители, поэтому 16 марта 1891 года были утверждены правила «О применении карательных мер в административном порядке к армяно-григорианским священнослужителям». 12 июня 1903 года было утверждено положение Комитета министров о передаче имущества, принадлежащего армяно-григорианской церкви и монастырям, в заведование Министерства земледелия и государственных имуществ. Как отмечал в феврале 1905 года министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов в докладной записке на имя председателя Комитета министров С. Ю. Витте, даже через полтора года приходилось сталкиваться «со сплошным организованным противодействием массы населения»: против выступал католикос, заявляющий, что с ним не посоветовались, «ктиторы отказывались предоставлять денежные книги, духовенство — указывать церковные имущества, а народ проявлял свои необузданные страсти... нападением и преследованием членов комиссии»²⁷.

Армяно-католики, организованные в независимую общину, признанную пра-

вительством, подвергались тем же ограничениям, что и римско-католики. Они подчинялись католическому епископу Саратова. Успех римской курии в данной местности был вызван разрешением новообращенным армянам следовать обрядам армянской церкви с небольшими изменениями. Армяне были убеждены, что «императорское правительство стремится подчинить себе... духовную жизнь Армении»²⁸.

Нехристианские исповедания находились в гораздо более стесненном положении. Общими для нехристиан были следующие ограничения:

– христианам запрещено было усыновлять нехристиан или быть ими усыновленными (Законы гражданские, статья 148);

– нехристианам, кроме туземцев, запрещалось приобретать недвижимость в Туркестанском крае и степных областях (Пол. Турк., ст. 262; Пол. Степ., ст. 136);

– воспрещение нехристианам писать иконы, изготавливать кресты и другие подобные предметы чествования христиан и торговать ими (Устав предупреждения и пресечения преступлений, ст. 100);

– для нехристиан существовал особый порядок вступления в число присяжных и частных поверенных, при котором о каждом лице требовалось отдельное представление председателей судебных установлений (или советов присяжных поверенных) и разрешение министра юстиции, а в отношении частных поверенных при уездных съездах также министра внутренних дел (Учр. суд. уст., ст. 380, прим.; Прав. устр. суд. част., раздел 2, ст. 5, приложение, ст. 1, примечание);

– нехристиане лишались возможности председательствования в уездных и губернских училищных советах и участия в них в качестве членов от земств и городов (Уст. уч. зав., ст. 3495, примечание 1);

– нехристиане не допускались к избранию в гминное или сельское управление в губерниях Царства Польского (Учр. упр. губ. Царства Польского, ст. 234);

– нехристиане не могли быть старшиной присяжных заседателей (Уст. угол. суд., ст. 670);

– нехристиане не могли получать звание наставников, учителей (Уст. учеб. зав., ст. 3779, 3825);

– нехристиане отстранялись от опекунов над христианами в губерниях Царства Польского (Гражд. улож., ст. 414, пункт б);

– нехристиане обязаны были в случае получения в наследство икон или других предметов христианского культа передать их в 6-месячный срок православным (Зак. гражд., ст. 1188, 1189)²⁹.

Из всех нехристиан наиболее терпимым русское законодательство было к мусульманам. Все религиозные наставники подлежали ведению мусульманского Духовного собрания, во всех остальных вопросах мусульмане подчинялись только гражданским властям.

Правительство, как правило, не препятствовало сохранению некоторых особенностей жизни мусульман. Например, еще в 1836 году в первой казанской гимназии вместо греческого, славянского, немецкого языков, высшей математики, черчения, рисования и физики были введены арабский, персидский, турецко-татарский и монгольский языки. В этой гимназии разрешалось иметь надзирателей из иноверцев, причем они обладали совершенно теми же правами, что и надзиратели из православных.

Главными ограничениями для мусульман считались Высочайшее повеление от 2 августа 1854 года о запрещении язычникам обращаться в мусульманство и циркулярное распоряжение Министерства внутренних дел от 12 июля 1888 года о предписании магометанскому духовенству воздерживаться на будущее время от совершения браков мусульман с язычниками³⁰

Крайне острым в российском законодательстве был вопрос об иудеях. В первых, они представляли достаточно

многочисленную категорию населения. По переписи 1897 года только в западном крае насчитывалось 433 728 человек, хотя по докладу Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора Святополк-Мирского реальная цифра была в 700 000 человек³¹. Во-вторых, иудеи по своему гражданскому положению представляли совершенно исключительное явление. Это, прежде всего, выразалось в двух моментах: 1) все русские подданные обладали неограниченным правом жительства на всей русской территории, если только не были лишены его судебным приговором, для евреев же существовали ограничения; 2) в целом российское законодательство исходило из тезиса, что все, что не запрещено законом, считается дозволенным, в отношении же иудеев действовал другой принцип: все недозволенное положительным законом считается запрещенным. Поэтому в «Законах о состояниях» первая статья о евреях гласила: «Евреи, состоящие в подданстве России, подлежат общим законам во всех тех случаях, в коих не постановлено особых о них правил»³².

Как писал исследователь еврейского вопроса в России И. Г. Оршанский, «закон наш смотрит на евреев, как на иностранцев, которые пользуются в России гражданскими правами лишь в той мере, в какой это признано за ними положительным законом... Но сказать, что евреи в России составляют класс иностранцев, — будет опять-таки неверно. С одной стороны, они в черте своей оседлости пользуются во многих отношениях большими гражданскими правами, чем... иностранцы. С другой стороны, относительно всей остальной России, они поставлены в положение гораздо менее выгодное, чем собственно иностранцы. Любой иностранец может пользоваться, если захочет, всеми правами русского гражданства: для этого ему стоит вступить только в русское подданство. Для еврея этот путь недоступен: для выхода из своего заколдо-

ванного круга он должен будет отказаться от своей религии»³³.

В чем же конкретно состояло особенное положение иудеев?

– С 1804 года, а окончательно с 1835 года были оговорены те области, в которых они могли жить (Польша, Белоруссия, Литва, Правобережная Украина, позже были добавлены Черниговская и Полтавская губернии и Бессарабия; в Курляндской губернии, на Кавказе и в Средней Азии могли жить только местные евреи. Даже в черте оседлости евреям запрещалось жить в Киеве, Севастополе, Ялте, а также в селах).

– В Полном собрании законов Российской империи различались «природные жиды» и те, кто пришел к иудаизму «по заблуждению или невежеству своему»³⁴.

– Иудеи отбывали все повинности и собирали налоги отдельно от христиан, для чего избирали из своей среды особых сборщиков.

– Существовали специальные налоги для евреев: коробочный и свечной.

– Земледельческие поселения евреев должны были быть удалены от христианских поселений.

– Иудеи обязаны были отдельно от христиан осуществлять выборы в органы государственного самоуправления.

– Иудеям не разрешалось иметь христиан в услужении.

– Иудеев в административном порядке, без всяких исключений, высылали из местностей, где была ересь жидовствующих, хотя, как отмечал Ю. Гессен, «история евреев в России не давала решительно никакого повода для подобных опасений: там, где евреи жили массаами, не возникало религиозных брожений, связанных с еврейской верой. Иудействующие секты распространялись в губерниях, в которых евреи проживали в самом незначительном числе»³⁵.

– Во второй половине XIX века была введена норма приема евреев в высшие учебные заведения. На сто человек разрешалось принимать не более десяти ев-

реев; вне черты оседлости — не более пяти; в обеих столицах — только трех.

– Евреям запрещалась покупка и аренда наследственных имений, а также жизнь вне городов.

– Наиболее подходящим вариантом прохождения евреями военной службы считалась служба военнорабочими.

– Раввины не пользовались такими привилегиями, как христианское духовенство и мусульманские религиозные учителя.

– Иудеи были ограничены в праве обращения в христианские неправославные исповедания, для каждого такого случая требовалось прохождение многих инстанций и разрешение министра внутренних дел.

Иудеи могли приобрести право повсеместного проживания на территории России, если имели высшее образование, занимались ремеслом или принадлежали к купечеству первой гильдии. Был и другой путь. Если иудей перекрещивался в христианство, а тем более в православие, все стеснения и ограничения автоматически исчезали, и он мог приписываться к любому обществу, не требуя его предварительного согласия, а затем в течение трех лет освобождался от податей и получал от казны пособие от 15 до 30 рублей на каждого члена семьи. В случае перехода в православие только одного из супругов он обязывался подпиской, что будет тщательно заботиться о том, чтобы через увещания привести другого супруга к православию. Второй супруг тоже давал подписку о том, что родившиеся после перехода дети будут православными.

Вопрос относительно иудеев был гораздо более тесно, чем остальные, переплетен с вопросом национальным. Российское законодательство искусственно поддерживало солидарность евреев, устанавливая часто взаимную ответственность. Например, если у христиан за укрывательство дезертира отвечало только одно лицо, у евреев — все общество.

Управление делами иудеев осуществляла раввинская комиссия при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий, состоящая из председателя и шести членов. Избрание кандидатов было предоставлено еврейским обществам тех губерний, где евреи имели постоянное жительство. Комиссия могла рассматривать и принимать решения по вопросам о правилах и обрядах иудаизма, по действиям раввинов, а также по делам о расторжении браков в тех случаях, когда раввины находили неясности в законе или поступала жалоба на неправильное действие раввина³⁶.

Язычникам российское законодательство не уделяло много внимания, так как считалось, что они принадлежат, в основном, к малоразвитым нерусским народам, которые не очень давно были присоединены к России. Язычники не имели права занимать какие-либо начальственные посты. По отношению к ним государство более всего заботилось об организации миссионерской деятельности.

Совершенно особое место в российском законодательстве занимали раскольники. С одной стороны, еще с Большого московского церковного собора 1666-1667 годов принято было считать, что раскольники — это особая группа православных, несогласная с некоторыми пунктами официальной церкви³⁷. Но, с другой стороны, государство в силу своей позиции не могло уравнивать их с господствующим православием. Как отмечал известный специалист по церковному праву А. С. Павлов, «мысль о наказуемости ереси и раскола, как уголовных преступлений, перешла к нам на Русь вместе с христианством — в греческом Номоканоне»³⁸.

Раскольники не преследовались за их мнения о вере; они могли совершать общественные молитвы, богослужения в частных домах и особо предназначенных для этого зданиях, нести впереди похоронной процессии икону и совершать обрядовые действия на специальных участ-

ках кладбищ, предназначенных для раскольников. 19 апреля 1874 года получили законную силу браки между раскольниками, зарегистрированные в метрических книгах полицейских участков³⁹.

Но запрещалось «публичное оказательство раскола», к которому относились:

- крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях;
- публичное ношение икон, за исключением указанного выше случая;
- употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковных облачений или монашеских и священнослужительских одеяний;
- раскольническое пение на улицах и площадях;
- постройка церквей и часовен как открытых общественных зданий;
- печатание книг, кроме разрешенных Св. Синодом для единоверцев.

Но сами раскольники несколько иначе видели ограничения своих прав. После появления указа 12 декабря 1904 года на имя председателя Комитета министров С. Ю. Витте подавалось огромное количество записок от представителей разных вероисповеданий, в том числе от старообрядцев. Рассмотрим одно типичное прошение, поданное старообрядцами города Коврова Владимирской губернии в январе 1905 года. Итак, были следующие требования:

1) отменить название «раскольники», переводимое как «раздорники», «еретики», и употреблять название «старообрядцы»;

2) признать старообрядцами тех, кто принадлежит к ним фактически, хотя формально относится к официальной православной церкви;

3) вести метрические книги старообрядцев не в полицейских участках, а в городских и сельских правлениях;

4) свободно совершать похороны, до сих пор часто нарушаемые полицией, по своим обрядам;

5) строить молитвенные дома в упрощенном порядке, который полагается по Уставу строительному;

6) иметь свои кладбища;

7) иметь свои приюты для старых, безродных, сирот;

8) иметь своих учителей, даже если они не будут иметь диплом учителя;

9) не принуждать в различных учебных заведениях старообрядцев учить Закон Божий официальной церкви;

10) не принуждать старообрядцев принимать присягу от священника и ходить в церковь на молитву на военной службе⁴⁰.

К гонимым вероисповеданиям относились, главным образом, секты, причем «отпавшие от православия». Ст. 203 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (редакция 1885 года) относила к таковым секты, учение которых соединяется со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь членов секты, жизнь других или с противонаправленными действиями.

Таким образом, к гонимым относились, например, федосеевцы, которые догматически отвергали брак, странники,

освящающие бродяжничество и отвергающие молитву за царя, признавая его антихристом, скопцы, возводящие в догмат веры изуродование, хлысты (свальный грех) и другие.

Этот список не был устойчивым и время от времени пополнялся. Так, период с 1887 по 1898 год был отмечен отнесением к числу «особо вредных сект» духоборов. Гонения достигли таких пределов, что часть из них вынуждена была покинуть Россию⁴¹.

Таким образом, определяющим принципом при выработке церковной политики был принцип государственной целесообразности. Можно констатировать, что «иноверцы» в широком смысле слова, в основном, имели возможность жить по своим обычаям и традициям. Но в связи с тем, что в государстве существовала господствующая церковь, пользующаяся поддержкой государства, остальные вероисповедания неминуемо оказывались в притесненном положении, свобода вероисповеданий отсутствовала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (На основании официальных и научных исследований). СПб., 1912. С. 76.

² Пругавин А. Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904. С. 9.

³ Рубакин Н. А. Указ. соч. С. 76.

⁴ Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1. Разд. 1. С. 62.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же. Т. XI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 4.

⁷ См., например, статью Д. Боголюбова «О двух настроениях» // Церковный голос. 1906. № 26. С. 725.

⁸ Красножен М. Е. Иноверцы на Руси // Ученые записки императорского Юрьевского университета. 1902. № 6. Приложения. С. 1–96; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 13. Пб., 1894. С. 222.

⁹ Гернгутеры — протестантская секта лютеранского толка, возникшая в 1772 году в Саксонии. В основе учения гернгутеров лежит частичное признание Аугсбургского исповедания, но они делают особый акцент на «религию сердца» — интимно-эмоциональное переживание верующим единства с Христом как хранителем и спасителем мира. В Российской империи учение гернгутеров было распространено в Прибалтике.

¹⁰ Меннониты — последователи одной из старейших протестантских церквей, возникшей в 30-е годы XVI века в Нидерландах. В России меннониты появились при Екатерине II. Кроме обще-

протестантских принципов к их канонам относились: сознательное крещение по вере, отказ от военной службы, присяги и т. д.

¹¹ Справка о свободе совести, составленная Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. СПб., 1906. С. 19.

¹² Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита московского и коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. 4. С. 277; том дополнительный. С. 182–188.

¹³ Хроника русского законодательства за 1889 г. // Юридическая летопись. 1890. № 1. С. 59–60.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 12. Ч. 1. СПб., 1838. № 10303. Параграф 88. С. 383–384.

¹⁵ Там же. Т. 24. Ч. 1. СПб., 1850. № 23062. С. 134.

¹⁶ Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1913. С. 1259.

¹⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1. С. 54–204.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. № 410. С. 577.

¹⁹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 5. Д. 6. Приложение. Л. 2.

²⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5758. Л. 156 об.

²¹ Красножен М. Е. Краткий курс церковного права. Юрьев, 1900. С. 94.

²² РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 606. Л. 2 об.

²³ Щегловитов И. Г. Нарушение правил о крещении детей от смешанных браков // Юридическая летопись. 1890. № 2. С. 123–126.

²⁴ Свод законов Российской империи.. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1. Ст. 11–13, 21, 34, 35.

²⁵ Орманиан М. Армянская церковь. Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. М., 1913. С. 192.

²⁶ Красножен М. Е. Иноверцы на Руси... С. 93.

²⁷ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 992. Л. 1об–2об.

²⁸ Орманиан М. Армянская церковь... М., 1913. С. 86–87.

²⁹ Справка о свободе совести... С. 38.

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 2466. Л. 68.

³² Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. IX. Стб. 67.

³³ Оршанский И. Г. Русское законодательство о евреях. Очерки и исследования. СПб., 1877. С. 5–6.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. № 4. С. 11.

³⁵ Гессен Ю. Закон и жизнь. Как создавались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911. С. 6–7.

³⁶ Сборник узаконений, касающихся евреев. Составлен по распоряжению министра внутренних дел в Департаменте полиции исполнительной. СПб., 1872. С. 6.

³⁷ Толстой М. В. История русской церкви. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С. 594.

³⁹ Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1912. С. 519.

³⁹ Суворов Н. Курс церковного права. Ярославль, 1890. Т. 2. С. 512–514.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 993. Л. 1–2 об.

⁴¹ См., напр.: Мельгунов С. П. Церковь и государство в России... М., 1907. Т. 1. С. 67.

A. Dorskaya

LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN EMPIRE SUBJECT AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: RELIGIOUS ASPECT

The article is devoted to the problem of the dependence of the law status of the subjects of Russian Empire accordiny to their religion.